

Введение.

Циклическая динамика как спутник развития экономики

Наблюдения за современной экономической жизнью большей частью погружают обозревателя в пессимизм. Тревожных и негативных фактов и прогнозов куда больше, чем позитивных. Валюты девальвируются, норма прибыли падает, долговая нагрузка растет. Мировая торговля буксует, угроза экономического кризиса висит в воздухе. Исследователи, знакомые с теорией длинных и среднесрочных циклов, разумеется, тоже не могут не беспокоиться об экономической ситуации. Но они, по крайней мере, понимают, что цикличность, как ни старались ее победить в XX в. (и кое в чем даже весьма преуспели), тем не менее пока составляет неизбежный атрибут экономического развития. И по-прежнему остается верным афоризм К. Жюгляра, что кризис – это следствие предшествующего процветания. И если мы находимся на нижней фазе цикла, то не приходится удивляться, почему дела в экономике сопровождаются депрессивностью. Большинство экономических акторов остается бороться с этими трудностями и ждать, когда колесо цикла повернет нас опять к росту.

Хотя некоторые исследователи считают, что кондратьевские волны можно увидеть в тех или иных экономических проявлениях задолго до XVIII в., нам кажется, что завершающая фаза промышленной революции, собственно, и создала такое явление, как кондратьевские волны в экономике (см. подробнее: Гринин 2013). Дело в том, что только в период завершения промышленной революции производительные силы в достаточной мере стали обретать новое фундаментальное свойство – стремление к неуклонному и непрерывному расширению (до этого реализовавшееся несистематически). Вместе с этим качеством появились различные формы цикличности, которые были связаны с ограничениями, встающими на пути расширения, и стремлением к их преодолению. Такое движение вперед, естественно, не могло быть равномерным, а подчинялось различным ритмам. Общим свойством этих ритмов стала смена ускорения и торможения, вызываемого исчерпанием доступных для роста ресурсов, насыщением рынка товарами, ухудшением кредитования, снижением нормы прибыли и т. п. ограничениями экономической экспансии.

Таким образом, появление длинных кондратьевских (40–60 лет) и среднесрочных жюгляровских (7–11 лет) циклов имело одну общую причину – переход производства к новой модели развития, то есть расширен-

Кондратьевские волны: циклическая динамика 2016 5–13

ному воспроизводству, основанному не просто на вовлечении новых ресурсов (это происходило и при аграрно-ремесленном производстве), а на расширении за счет регулярных инвестиций, инноваций и усовершенствований.

Экономика и до промышленной революции никогда не развивалась равномерно. Напротив, в некоторые периоды она могла расти, в более длительные – стагнировать, в случае войн, внутренних потрясений и стихийных бедствий – падать. Но никакой правильности в этих колебаниях найти было невозможно, не считая, конечно, вековых социально-демографических циклов, включавших фазу социально-демографических катастроф (см., например: Нефедов 2003; 2005; 2007; 2008; Турчин 2007; Гринин 2007; Коротаев 2006; 2007; Коротаев и др. 2010; Nefedov 2004; Korotayev *et al.* 2006; Turchin, Nefedov 2009). Но даже они проявлялись преимущественно в сверхсложных аграрных обществах, таких как Китай или Египет, да и там эти циклы были не столь регулярными.

В XVIII в. стали проявляться некоторые регулярности. Можно напомнить читателю, что некий прообраз средних циклов можно увидеть в XVIII в., особенно во второй его половине с колебанием примерно в 10 лет (см.: Хансен 1959; Бродель 1992: 270; Гринин 2013; Grinin *et al.* 2016). В 1763 г. кризис начался в Гамбурге на фоне обесценивания денег в период Семилетней войны, но затем в результате колоссального банкротства братьев Нёввиль в Амстердаме приобрел европейский характер (Вирт 1877; Бродель 1992). Затем был кризис 1772–1773 гг., проходивший на фоне жестоких неурожаев 1771–1772 гг. и, подобно предыдущему, включавший крупное банкротство Клиффордов в декабре 1772 г. (которое и стало детонатором обвала). Наконец, кризис 1780–1783 гг., явно усиленный военными событиями этого периода (в том числе военной блокадой берегов Голландии со стороны Англии), также приобрел большие масштабы в результате очередного крупного банкротства Ван Ферелингов в 1780 г. (см.: Бродель 1992). Затем, правда, кризисы участились и стали происходить каждые три-четыре года. Так, можно упомянуть кризисы 1787–1788, 1793, 1797, 1803 гг. Но они в значительной мере стали носить уже переходный характер между торгово-финансовыми и торгово-промышленными и главным образом шли уже на общем повышательном фоне А-фазы первой К-волны.

Кризисы 1810, 1815 и даже 1819 гг. были во многом связаны с Наполеоновскими войнами и послевоенной конверсией. Зато кризис 1825 г. произошел уже в мирное время и на фоне, казалось бы, неплохого состояния экономики. В 1825 г. характер экономических кризисов изменился. В отличие от локальных кризисов в хлопчатобумажной промышленности конца XVIII – начала XIX в., они стали всеобщими, то есть охватывали почти всю экономику страны. В отличие от торгово-кредитных кризисов

прошлого времени они становились причиной обновления промышленности (которая видела выход из кризисов в технологическом обновлении), и чем далее, тем больше становились промышленно-торговыми кризисами. Кроме того, сформировался и промышленно-торговый цикл этих кризисов, почему их называют циклическими. Наконец, они стали повторяться с пугающей регулярностью, вот почему эти кризисы получили названия периодических.

Прежние кризисы общего упадка экономики, как правило, случались в результате какого-либо видимого бедствия либо истощения во время войны, либо в результате резкого перехода от войны к миру, что наблюдалось, кстати, и в Англии после 1815 г. В этом отношении наиболее яркое отличие кризиса 1825 г. было в том, что он случился во время мира и в целом хорошего течения дел, в ходе экономического и торгового подъема, то есть в результате какой-то непонятной причины (так что для выяснения причин кризиса собирались специальные парламентские комиссии).

Уже с этого (1825 г.) кризиса выявилось несовершенство индустриальной экономики, которая оказывалась неспособной полностью реализовать свои резервы, так что в течение каждого цикла значительная часть капитальных, товарных и финансовых ресурсов должна была быть так или иначе уничтожена, чтобы насильственно привести ситуацию к равновесию. Такое колебание между противоречивыми стремлениями общества к стабильности и равновесию, с одной стороны, и к развитию – с другой, имело своим следствием своего рода спиралевидное развитие (подробнее о кризисах см.: Гринин, Коротаев 2009).

Далее кризисы начали посещать английскую экономику (а в связи с ней и экономики других стран) с замечательной регулярностью в 10–11 лет. Именно эта регулярность в итоге дала ключ к пониманию, что кризисы не являются результатом внешних шоков или неурожаев (и те и другие могли только способствовать возникновению или усилению кризиса). Становилось ясно, что кризисы – это только одна из фаз экономического цикла, что чем более бурно шло развитие на фазах подъема и процветания, тем неожиданнее и стремительнее разворачивался кризис, захватывая экономику подобно тому, как болезнь внезапно поражает организм. В начале XX в. природа экономического цикла стала яснее. В 1930-е гг. Кейнсом был выработан рецепт антициклической политики, которым безуспешно пользовались во второй половине XX в.

Однако несмотря на то, что кейнсианская политика была опробована по крайней мере с 1946 г., в 1970 – первой половине 1980-х гг. западный мир охватила кризисно-депрессивная полоса. Причины этого кризиса до сих пор кажутся некоторым экономистам не вполне ясными, так же как и мощные темпы развития в предшествующие десятилетия. Например, нобелевский лауреат П. Кругман в своей монографии 2009 г. утверждает,

что причины, по которым произошло замедление роста во всем развитом мире в начале 1970-х гг., «до сих пор остаются в известной мере загадочными» (Krugman 2009: 57). Они и будут казаться загадочными, если не учитывать длинноволновую динамику, когда на понижательных фазах число кризисно-депрессивных лет возрастает по сравнению с повышательными фазами, что было замечено довольно давно (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014б; Grinin *et al.* 2016). Если исключительно быстрые темпы роста экономики («экономические чудеса») в ряде европейских стран и Японии, равно как и довольно быстрые темпы роста в других странах (в частности, в СССР и ряде социалистических стран) и в целом в мире, длившиеся около 20 лет (с начала – середины 1950 г. и до конца 1960 г.), объяснялись тем, что, во-первых, пришлось на повышательную фазу четвертого кондратьевского цикла, а во-вторых, тем, что совпали с началом кибернетической революции (которую в то время называли научно-технической; о кибернетической революции и ее связи с А-фазой четвертой кондратьевской волны см.: Гринин 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015), то кризисы 1970–1980 гг. – тем, что колесо длинного цикла повернулось. Как всегда, в основе замедления темпов роста лежала общая причина, являющаяся основой цикличности в экономике¹. То, что приостановка темпов роста, наблюдающаяся с конца 1960-х гг., затем переросла в глубокий и тяжелый кризис 1970-х гг., объяснялось в целом переходом от А-фазы четвертой К-волны к ее В-фазе. А такие переломные кризисы всегда бывают особенно тяжелыми, тем более что А-фаза четвертой К-волны была необычно бурной. Таким образом, игнорирование ведущими экономистами длинноволновой динамики лишает их возможности увидеть главные глубинные причины важных явлений в экономике, в частности вызываемых сменой повышательных и понижательных тенденций К-волн, тогда как для исследователей длинноволновой динамики эти причины в основе своей понятны.

В 1980–1990-е гг. кейнсианские рецепты сменились неolibеральными и монетаристскими, которые также казались чудодейственными. Правда, забывалось, что их действенность проявляется на фоне повышательной фазы пятой кондратьевской волны. Истощение этого подъема ознаменовалось крупнейшим глобальным кризисом 2008 г. Кроме того, этот кризис показал, что в условиях глобализации, где на международной арене пока невозможна регуляция, возвращаются признаки жюгляровских циклов XIX – первой половины XX в. с их неудержимыми подъемами и резкими спадами, переходящими в обвалы и панику (см. об этом подробнее в на-

---

¹ Согласно этой причине, ускоренные подъемы неизбежно приводят к истощению тех или иных ресурсов и к инвестиционно-ценовым диспропорциям, а это ведет к замедлению производства или его падению как способу устранения диспропорций и перекосов.

шей статье в этом выпуске). В настоящее время мы находимся на понижающей фазе пятой кондратьевской волны. Это подтверждается тем, что уже восьмой год мир находится в депрессивной стадии (за исключением некоторого количества растущих экономик, но и те стали тормозить).

Все это говорит о насущной необходимости изучать циклическую динамику, ее особенности, чтобы лучше противостоять экономическим колебаниям.

Этот выпуск нашего ежегодника – пятый (см. предыдущие выпуски: Акаев и др. 2012; Гринин и др. 2013; Гринин, Коротаев 2014а; Гринин, Коротаев, Бондаренко 2015). Многие его статьи и посвящены закономерностям и особенностям экономической динамики, как среднесрочной, так и длинноволновой.

В **первом разделе** данного выпуска, который носит название «**Анализ экономической динамики**», вниманию читателя предлагаются пять статей.

В работе *Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева и С. Ю. Малкова* «Среднесрочные экономические циклы: история, анализ, моделирование» представлен подробный анализ среднесрочного цикла деловой активности и его математическая модель. Показано, что важнейшая причина циклических кризисов проистекает из возникающих в результате экономических подъемов сильных структурных диспропорций не только между секторами экономики, но и между различными подсистемами обществ, а на современном этапе также за счет диспропорций в рамках Мир-Системы в целом.

Экономический кризис – это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного, или цикла деловой активности, длительностью в среднем от 7 до 11 лет. Экономика движется от кризиса к кризису, от цикла к циклу потому, что расширенное производство не предзадано, не происходит автоматически, а требует больших усилий, стимуляции, на пути которых встречаются постоянные препятствия. Для продолжения движения к более высокой отметке оказывается необходимым спад, который приводит систему в новое равновесие, требующее определенной перестройки.

Авторы отмечают, что современный кризис по типу оказывается во многом весьма похожим на классические жюглярские кризисы. Этому способствует то, что сфера действия цикла стала глобальной, возможности регулирования с помощью государственных мер оказались неэффективными, а межгосударственного регулирования финансовых процессов практически не существует.

В. Г. Клинов в статье «Эволюция длинных волн развития мирового хозяйства» рассматривает переход от концепции больших циклов экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьева к современной концепции

длинных волн мирового экономического развития. В работе выявляются особенности долгосрочных тенденций развития мирового хозяйства в XXI в., связанные с обострением конкуренции со стороны крупных развивающихся стран, изменением соотношения сил между передовыми странами и остальным миром и их влиянием на темпы мирового развития. Оцениваются роль информационно-коммуникационной техники (ИКТ) в формировании восходящей волны начала XXI столетия и перспективы решения проблемы занятости экономически активного населения.

В статье *Р. С. Гринберга* «Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике» исследованы основные показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ. Автором сделан вывод о том, что праволиберальный радикальный вариант трансформации оказался несостоятельным. Требуется новое понимание реалий и переосмысление модели текущей экономической политики. Обосновывается актуальность институциональных реформ и концепции экономической социодинамики как альтернативы идеологии рыночного фундаментализма.

А. А. Акаев, С. Ю. Румянцева, А. И. Сарыгулов и В. Н. Соколов в своей работе «О структурно-технологической парадигме технологической модернизации экономики» приходят к следующим выводам: 1) в структуре экономики, влияющей на инновационное поведение, выделяются такие факторы, как качество отраслевой структуры, институциональные факторы, формальные нормы и правила, качество денежной системы и поведение инвесторов, формирующих кредитообразование в экономической системе; 2) экономическое развитие признается в ряде теорий, таких как неоклассика, неоавстрийская школа и теория реального делового цикла, равновесным процессом, в то время как эволюционная экономика, неошумпетерианство и посткейнсианство, рассматривающие значимость экономической структуры, считают экономическое развитие неравновесным процессом; 3) для построения реальной картины экономического развития требуется вслед за эволюционной экономикой, неошумпетерианством и посткейнсианством анализировать роль структуры экономики в порождении экономического цикла и экономического роста как эндогенных, принципиально неравновесных процессов. Такой подход требует вовлечения в процесс исследования принципов синергетического системного анализа экономики; 4) экономическая наука получит стимул к развитию, если мы будем уходить от разделения экономических процессов на микро- и макроуровневые и анализировать их в совокупности, через исследование того, как экономическая структура влияет на стимулы к инновациям и как внедрение инноваций оказывает свое влияние на процесс формирования конкурентоспособных отраслевых структур, а через них – на экономический рост.

С. Ю. Румянцева в статье «Теория экономической динамики Н. Д. Кондратьева и современные длинноволновые процессы в США и России» предлагает подход к объяснению эндогенного механизма длинных волн в финансовом, ресурсно-энергетическом, информационном и инновационном факторах длинных волн, показывает специфику преодоления депрессии длинных волн в экономиках догоняющего типа. Автор выявляет специфику четвертой и пятой длинных волн экономического развития, рассматривает причины торможения инновационного процесса в пятой длинной волне, определяет особенности фазы спада пятой длинной волны в США и России на основе анализа разнонаправленных тенденций формирования денежной массы и инфляции, определяющих возможности для промышленного роста, смены энергоносителей и внедрения пакета инноваций шестого технологического уклада.

Второй раздел, «Наследие», представлен публикацией работы Н. Д. Кондратьева «Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам)». Данная слабо известная широкому кругу читателей работа представляет собой прежде всего аргументированный ответ на многочисленные критические публикации, появившиеся в советской печати после выхода в свет его первой крупной монографии «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (Кондратьев 1922). В этом плане она представляет большой интерес для всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством великого российского экономиста, давая яркое представление о той интеллектуальной атмосфере, в которой ему довелось работать. Однако эта работа представляет и большой теоретический интерес как раз в плане исследования циклической динамики и циклических кризисов, например благодаря предложенной именно в этой работе теории о необратимых и обратимых процессах и связи последних с циклическими колебаниями.

В третьем разделе («Рецензии») Дж. А. Голдстоун анализирует недавно вышедшую в свет англоязычную монографию Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева “Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective” («Великая дивергенция и Великая конвергенция: глобальная перспектива»). Великая дивергенция и недавняя Великая конвергенция («наверстывание» экономиками развивающихся стран) являются фазами одного и того же процесса глобальной модернизации. Однажды начавшись, Великая дивергенция неизбежно приводит к последующей конвергенции посредством глобализации мировой экономики. Российская школа глобальных исторических исследований на протяжении долгого времени вносит существенный вклад в описание и объяснение важнейших моделей долгосрочного развития мировой истории, и автор, подчеркивая достоинства рецензируемой работы, рекомендует ее тем, кто интересуется полемикой касательно проблем развития западной экономики и Великой ди-

вергенции, а также тем, кто размышляет о будущем глобальном неравенстве и развитии.

Наконец, в **последнем разделе, «Кондратьевская энциклопедия»**, мы публикуем две статьи из будущей энциклопедии. Одна, написанная Л. А. Клименко и Л. Е. Грининым, посвящена жизни и творчеству выдающегося российского экономиста С. М. Меншикова, который едва ли не первым в СССР начал научную реабилитацию идей Н. Д. Кондратьева. Он также написал монографию, посвященную длинным циклам, актуальность которой сохраняется до сих пор. Вторая статья (С. Ю. Румянцевой) посвящена замечательной работе Н. Д. Кондратьева «Основные понятия экономической статики и динамики». Впервые она была опубликована только в 1989 г. Эта книга была написана Н. Д. Кондратьевым в 1931 г. в Бутырской тюрьме. Она сохранилась благодаря усилиям родных ученого. В данной работе решались принципиальные методологические вопросы исследования закономерностей развития науки и экономической теории в целом.

Библиография

- Акаев А. А., Гринберг Р. С., Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.). 2012.** *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы*: ежегодник. Волгоград: Учитель.
- Бродель Ф. 1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира*. М.: Прогресс.
- Вирт М. 1877.** *История торговых циклов в Европе и Америке*. СПб.: Изд. ред. журн. «Знание».
- Гринин Л. Е. 2007.** Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS: 219–246.
- Гринин Л. Е. 2013.** Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций. *Кондратьевские волны: палитра взглядов*: ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 31–83. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015.** *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (отв. ред.). 2014а.** *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы*: ежегодник. Волгоград: Учитель.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014б.** Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 15–73. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Бондаренко В. М. (отв. ред.). 2015.** *Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник* / Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (ред.). 2013.** *Кондратьевские волны: палитра взглядов.* Волгоград: Учитель.
- Кондратьев Н. Д. 1922.** *Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны.* Вологда: Областное отделение Гос. изд-ва.
- Коротаев А. В. 2006.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2007.** О некоторых особенностях средневековых египетских и иных политико-демографических циклов. *Восток* 1: 5–15.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Нефедов С. А. 2003.** Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса.* М.: Территория будущего.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/УРСС.
- Хансен Э. 1959.** *Экономические циклы и национальный доход.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery.* N.p.: Springer International Publishing.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends.* Moscow: KomKniga/URSS.
- Krugman P. 2009.** *The Return of Depression Economics and the Crises of 2008.* New York; London: W. W. Norton.
- Nefedov S. A. 2004.** A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles.* Princeton, NJ: Princeton University Press.